

КНИГА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ (1883 – 1887)» И НАРОДНИЧЕСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Первую поэтическую книгу молодого поэта критика восприняла как сборник народнической поэзии. И основания для этого, конечно, были. Преобладали, но только в первом отделе книги, стихотворения, воспевавшие подвиг во имя общего блага. Д.С. Мережковский пережил серьезное и искреннее увлечение народничеством, находился с ним в тесной связи и, конечно, выразил в ранней лирике мысли, вызванные этим увлечением. Многие темы и образы этой поэзии в его лирике выразились не по отдельности, а в совокупности, как некий комплекс. Нередки случаи, когда его стихотворение начиналось как гражданская лирика, а завершалось как философская или пейзажная. «Опознавалась» эта лирика как народническая благодаря использованию определенных «слов-сигналов» или поэтических штампов.

Проведенный анализ свидетельствует, что стимулировала гражданские чувства молодого поэта сложная общественная обстановка 1880-х гг. Ситуация той поры современникам представлялась как время смутное, иногда катастрофическое. Под сомнение были поставлены, казалось бы, незыблемые основы бытия, и не нигилистами, как в 1860-е гг., а большинством представителей русского культурного общества. Так, известный критик С. Андреевский считал, что даже «... сама жизнь не представляет ничего единого, стройного, определенного. В ней еще хаос и брожение...» [1, с. 438]. Ответственность за это частично возлагалась на поколение шестидесятых годов. В.В. Розанов в ряде статей обвиняет своих предшественников в примитивизме, в упрощении сложных социальных процессов, в наивности веры в то, что группа писателей сможет изменить ход истории. О неприятии позитивизма 1860-х годов заявлял и Н.М. Минский в статье «Старый спор» (1884), с призывом «переоценивать ценности» выступил Ю.Н. Говоруха-Отрок («Нечто о нигилизме», 1891; «Шестидесятые годы», 1891) и др. Новое поколение заново выстраивало свои отношения с «отцами», происходила переоценка прежних ценностей.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать своеобразное усвоение молодым поэтом опыта народнической поэзии и трансформацию ее образов и мотивов. Эта тема, к сожалению, по сей день остается вне поля зрения исследователей. Как известно, поэзия в ту эпоху не занимала такого важного места, как проза: не случайно и в научной литературе так много исследований посвящено именно ей. Однако и проза, и поэзия разрабатывали сходные темы, одна из которых – служение народу. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в народнической поэзии тех лет. Она была тесно связана с освободительной борьбой, между тем, не была однородной, а ее

особенности менялись с течением времени. В авторитетном четырехтомном академическом издании «История русской литературы» (1982) раздел о литературе революционного народничества принадлежит Ю.В. Лебедеву, охарактеризовавшему ключевые политические события, темы и образы поэзии той поры. Он полагал, что «...в начале 70-х гг. жертвенность изображалась как произвольный порыв души, как голос самой природы. Ни в образцах, ни в героических примерах революционер эпохи "хождения в народ" не нуждался. <...> Но к 1877 г. настроения переменялись. Наступила пора поэтизации мученичества и жертвенности. Произвольные вначале, эти чувства возводились теперь в культ, им придавалась даже способность революционизирующего воздействия на массы» [2, с. 615]. В этих оценках чувствуются акценты, присущие советскому литературоведению, но в целом автор верно оценивает литературную ситуацию, сложившуюся на рубеже 1870-х – 1880-х гг. Новые чувства авторов народнической поэзии вызывают к жизни, казалось бы, немислимый ранее образ «"революционного" Христа. <...> Лик мученика в терновом венце превращается во всеосеняющий образ-символ, черты которого проступают повсюду» [2, с. 614, 615]. Таким образом, судьба народников, подвергавшихся суровым жизненным испытаниям, накладывала отпечаток на их поэзию, в которой менялся и адресат: это уже был не крестьянин и не шедший «в народ» образованный человек, а горожанин. «Обращенная к читателю из интеллигенции, – пишет Ю.В. Лебедев, – она сбросила с себя фольклорные одежды, наполнилась ярко выраженным публицистическим содержанием» [2, с. 618]. Это повлекло за собой и трансформацию традиционных народнических поэтических жанров, в т.ч. такого излюбленного, как песня. Ее лексика, в частности, в творчестве П.Л. Лаврова, была «устремлена к высокому ораторскому стилю. С этой целью используются церковнославянизмы. На их фоне приобретают одически-торжественный колорит даже элементы просторечья» [2, с. 618]. Существенные изменения в народнической поэзии произошли на рубеже десятилетий, когда в стихотворениях «появляются мотивы сердечной усталости», «резкие переходы от веры и надежды к сомнению и отчаянию» [2, с. 619]. Меняется в этой поэзии и образ родины, России, и отношение к народу.

Наблюдения исследователя можно использовать для понимания того комплекса идей, тем, поэтических образов, которые были близки молодому Д.С. Мережковскому, находившемуся, к тому же, под сильным влиянием поэзии М.Ю. Лермонтова, лирики своего современника и друга С.Я. Надсона. Близкие идеи выражены и в поэзии Н.М. Минского, также начинавшего свой творческий путь под влиянием поздненароднической поэзии. Как писала З.Г. Минц, «русская культура, с начала XIX в. усвоившая кантовское определение идеалов человечества, как идеалов "Истины, Добра и Красоты", в своей реальной истории воплощала лишь какую-то одну сторону всеми признаваемого единства. К концу столетия история реализации этого идеала выглядела примерно так. "Натуральная школа", сменившая романтизм с его культом Красоты, начертала на своих знаменах идеал Истины – правдивого

отображения действительности, которое в писаревском варианте шестидесятничества редуцировалась в требование Пользы. Народническая и околонародническая литература 1870 – начала 1880-х гг., не порывавшая с позитивизмом, в своем героическом пафосе народной пользы, по существу, была движима идеями самоотреченного, жертвенного Добра» [5, с. 160]. Однако наряду с этим в литературе последних десятилетий века параллельно с первым шел «и другой процесс» – тяготение к целостному, «синтезирующему» миропониманию. Оно захватывает все основные течения русской литературы» [5, с. 160]. З.Г. Минц полагала, что односторонность поисков «правды-истины» шестидесятниками и «правды-справедливости» у народников скрывалась устремлением к гармонии: «Так, философия позитивизма, – пишет исследовательница, – при всем ее утилитаризме, понимала счастье как единство всех сторон человеческой деятельности (Г. Спенсер), утверждала идеал «гармонической личности» (в России – Н.К. Михайловский)» [5, с. 160]. Однако подлинного синтеза осуществить так и не удалось. Как показывает анализ, ранней гражданской лирике Д.С. Мережковского присущи многие черты поздненароднической поэзии, не чужд ему и пафос поисков «правды-справедливости». Его первую книгу стихов открывает эпитафия, задающий общий тон книги: «И отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца; тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет, как полдень» (Исайя, 1, 8).

Первое стихотворение развивает идею эпитафии в духе двух традиционных тем: гражданской и темы поэта и поэзии. Оно названо «Поэту», в нем использован характерный для народнической поэзии призыв: Не презирай людей! Безжалостной и гневной / Насмешкой не клейми их горестей и нужд, / Сознав могущество заботы повседневной, / Их страха и надежд не оставайся чужд [3, с. 117]. Несмотря на все разнообразие подходов к этой теме в русской поэзии, лучше и яснее выразились две основные тенденции, развиваемые затем русскими поэтами последующих поколений в творчестве А.С. Пушкина: поэт – это и деятельный борец («Пророк»), и созерцательный певец красоты и величия («Поэту»). Для Д.С. Мережковского тех лет эта тема одна из важнейших, не случайно его первый сборник стихотворений открывает программное произведение «Поэту», этой теме посвящены и другие стихотворения книги. Вместе с тем, он начинает стихотворение в народническом духе, а завершает его как исповедальное. Подтверждением этому может быть и то, что первоначально автор назвал его довольно многозначно – «К себе». Тему поэта и поэзии молодой Д.С. Мережковский поначалу решает в духе пушкинского «Пророка» («Глаголом жги сердца людей!»). В стихотворении два плана – служение отвлеченному, показанное от обратного («Безжалостной и гневной / насмешкой не клейми...»), «Как друг, не как судья неумолимо строгий / Войди в толпу...», «Внимай без гордости...», «Сочувствуй горячо...», «Узнай и люби...»), и любовь к народу [3, с. 117]. Призыв: «Не презирай людей!» выражает квинтэссенцию стихотворения. Только поэт, способный ощутить горечь народной жизни, услышать «смутный гул тревоги» и «стон подавленный

невыразимых мук», «без гордости» смотреть на «незаменимый труд», способен на подлинное творчество: Сквозь мутную волну житейского потока / Жемчужины на дне ты различишь тогда: / В постыдной оргии продажного порока – / Следы раскаянья и жгучего стыда, / Улыбку матери над тихой колыбелью, / Молитву грешника, и поцелуй любви, / И вдохновенного возвышенную целью / Борца за истину во мраке и крови [3, с. 117]. Поэт, взглянувший без гордыни на мир простых народных радостей и горестей, будет способен видеть «красоту и смысл существованья / Не в упоительной и радостной мечте, / Не в блесках и цветах, но в терниях страданья, / В работе, в бедности, в суровой простоте» [3, с. 117]. Наградой ему станет «Неисчерпаема, как нектар золотой» «поэзия святая». Но очевидно, что речь может идти лишь о внешнем следовании разработанной А.С. Пушкиным теме, а не о каком-то новаторском ее прочтении: подобная интерпретация традиционной темы уже неоднократно была предложена в русской поэзии (например, у Н.А. Некрасова), утверждавшей понимание общественной роли поэта.

Это произведение противостоит другому пушкинскому стихотворению «Поэту». Если у А.С. Пушкина звучит призыв: «Поэт! не дорожи любовью народной», то у Д.С. Мережковского, напротив, «Не презирай людей!». В стихотворении предшественника поэтическое творчество, вдохновение, «думы» являются самоценными, не требующими одобрения «толпы холодной». У Д.С. Мережковского именно народные страдания, простой мир их тревог и радостей осмыслен как источник настоящего творчества. Стихотворение, которое можно рассматривать как своеобразную «программу» молодого поэта, содержит характерную для народнической поэзии лексику и образы: «продажного порока», «стон подавленный невыразимых мук», «сочувствуй горячо», «мутную волну житейского потока», «борца за истину», «в работе, в бедности, в суровой простоте» и пр. Эта лексика характерна, например, для поэзии П.Л. Лаврова, для стихотворений Ф.В. Волховского, П.Ф. Якубовича и для ранних стихотворений Н.М. Минского: Не до песен, поэт, не до нежных певцов! / Ныне нужно отважных и грубых бойцов. / Род людской пополам разделился. / Закипела борьба, – всякий стройся в ряды, / В ком не умерло чувство священной вражды. / Слишком рано, поэт, ты родился! [4, с. 26]. Н.М. Минский подходит к народническому пониманию творчества как борьбы ближе, чем Д.С. Мережковский. В стихотворении «Поэт! Врагов моих суровых...» он предрекает время, когда борьба будет завершена и борцам понадобится поэтическое слово. До тех пор поэт должен быть вместе со своим народом.

Как известно, в поэзии Н.М. Минского четче сформулирована народническая установка, тем резче он расходился с ней. Как отмечает А. Пайман, «Минский начал сомневаться в том, что лирическая поэзия способна трактовать гражданские темы, лежащие вне опыта поэта. <...> Лирическому поэту следует писать о себе самом, и Минский все более приходил к выводу, что, посеяв семена либертарианского бунта, он не

испытывает ни малейшего желания пожинать бурю социальной революции» [6, с. 30]. В поэзии молодого Д.С. Мережковского, напротив, народнические поэтические формулы и штампы иногда прорываются даже в «Символах». В следующем стихотворении его первого сборника сопоставляется поэзия, поющая о вечном и прекрасном, и поэзия действенная, воспевающая подвиг «мучеников», «твердых до конца»: ... Припомним же их, братья, / И руку к ним для крепкого пожатья, / Хотя на миг, протянем издали! [3, с. 118]. Однако в стихотворении «Поэту наших дней» (1884 г.) слышно разочарование в том, что «толпа» остается глухой к призывам поэта, к его подвигу, совершаемому во имя народа: Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя. / До скорбных дум твоих кому какое дело? / Твердить былой напев ты можешь про себя, – / Его нам слушать надоело... [3, с. 132]. Наступили иные времена, когда уже сказаны лучшие слова, спеты все песни, и даже к страданию слушатели остаются глухи.

Здесь продолжается лермонтовская тема непонятого и гонимого поэта. Поэт нового времени, поэт «наших дней» – это человек «изнеженный, больной и пресыщенный», «как дитя», неспособный к действию (стихотворение «Совесь», 1887). Лирический герой, ставивший перед собой определенные задачи («Поэту»), признается в том, что они невыполнимы. И даже слова, которые такой творец слагает в стихи, оказываются бесплодными и ненужными. Подобные настроения одолевают и лирического героя Н.М. Минского. Поэт полагал, что смысл поэзии состоит «все еще в том, чтобы служить народу, однако не через поиски правды-справедливости, а через поиски истины, – пишет А. Пайман. – Поэт должен иметь что-то, что он может предложить людям, какую-то веру, которая должна вести через пустыню пессимизма, подобно огненному столпу» [6, с. 31]. В стихотворении Н.М. Минского «Кто б ни был ты...», как и в стихотворении Д.С. Мережковского «Совесь», речь идет о беспомощности лирического героя – поэта, слова которого не нужны и жизнь которого бесцельна. Обратим внимание, что в стихотворении Н.М. Минского возникает образ бездны и тема утомленности бытием, которые будут характерны для поэзии символизма.

Стихотворения Д.С. Мережковского находятся в тесной связи не только с поэзией Н.М. Минского – на тематическом, образном и даже лексическом уровнях, но и с лирикой С.Я. Надсона. Речь идет, в первую очередь, о теме поэта и поэзии. С.Я. Надсон посвятил ей несколько стихотворений. В творчестве Надсона много стихотворений, относящихся к гражданской лирике. Он призывает к борьбе за справедливость, высказывает сочувствие к униженным. Но задачу поэта он видит несколько шире, понимая, что поэзии доступны различные стороны человеческой жизни и одинаково ценны как гражданственные мотивы, так и чуждые пафоса борьбы. В поэзии С.Я. Надсона создается оппозиция между истинным творчеством и тем, как оно воспринимается обществом, какой смысл приобретает. Примером этому может быть его стихотворение «Памяти Ф.М. Достоевского» (1881). Трагический путь писателя дал примеры подлинного

творчества, той поэзии, которая только и может считаться настоящим искусством. Однако в его произведениях почитатели не увидели, что самые большие страдания ему принес именно «мир торгашества и тьмы», а не каторга и другие житейские испытания. Такие почитатели, говорит поэт, могут лишь вплести в терновый венок писателя лишь еще один «острейший терн печали». И в этом случае, когда поэт говорит о смерти совершенно определенного и, видимо, глубоко уважаемого им писателя, он использует образы и лексику, распространенные в поэзии тех лет. Все три поэта используют одни и те же художественные средства для выражения сходных чувств: это делает их стихотворения банальными и трудно отличимыми друг от друга. Анализ поэзии С.Я. Надсона в совокупности всех стихотворений позволяет говорить о том, что сквозной для нее является тема жертвенного страдания. Это касается и гражданственной лирики, и автопсихологической, и любовной, и посвященной теме поэта и поэзии. Причем страдание, на наш взгляд, вызвано несоответствием идеала действительному: лирический герой хотел бы быть борцом, но неспособен, его подвиг не востребован; он хотел бы быть пророком, но у него нет нужных слов и настоящих сил; он хотел бы любить и быть любимым, но и здесь его ждет разочарование. В любовной лирике герой присутствует на похоронах возлюбленной, бродит по кладбищам, думает о скоротечности жизни и неисполненности любви. Лирика С.Я. Надсона печальна и эмоциональна, поэту ближе всего жанр элегии и романса.

Лирика Д.С. Мережковского первой книги, несмотря на пересечения с поэзией С.Я. Надсона, более интеллектуальна: поэт выражает мысли, а не чувства. Образно и ритмически она разнообразнее поэзии С.Я. Надсона и свидетельствует о том, что молодой поэт, находясь под влиянием своего современника, все же искал собственный поэтический голос и пробовал новые формы. Существенно первый сборник стихов Д.С. Мережковского отличает от лирики С.Я. Надсона образ лирического героя: он растерян и жалок потому, что потеряны его идеалы. Потому он скептически смотрит на себя самого, своих современников, на народ, общество, на само мироздание. Между тем они принадлежат к разным поколениям. Поэзия С.Я. Надсона отражала умонастроения позднего народничества периода его кризиса. В ней выразились протестные настроения и бессилие лирического героя, призывы к бескомпромиссной борьбе и разочарование в ее результатах, осознание действительности как «пошлой» и поиск идеала в красоте, бескорыстной дружбе, «братстве». В интимной лирике поэт говорил о нравственной чистоте, о любви, построенной на общности убеждений. Значительное место в его творчестве занимала пейзажная лирика. Свообразием отличается образ лирического героя С.Я. Надсона – это своего рода «лишний» человек своей эпохи. Поэтому трудно согласиться с распространенными в ту эпоху мнениями, что С.Я. Надсон выражал собственные, глубоко индивидуальные чувства и переживания. Создаваемый поэтом образ имеет соответствия не только в лирике его современников, но и в прозе, скажем, В.М. Гаршина. Лирический герой поэта ощущает глубокое разочарование от несоответствия

своих желаний, своих жизненных целей действительности, в которой он существует. Еще в юности он потерял веру в идеалы, в людей, разочаровался в друзьях, любимой, остался одинок и непонят. Его страшит будущее, оно рисуется герою в мрачных красках.

В первом сборнике стихов Д.С. Мережковского отразились поиски молодым поэтом своей образности и стиля. С одной стороны, ему близки мотивы общественной борьбы, образ борца, выступающего за народное счастье, созданные в духе поздненароднической поэзии. С другой, все яснее в его стихах проступал и иной образ лирического героя, создавалась своя, новая в сравнении с поэзией С.Я. Надсона, картина мира. Молодой поэт знает об общественных идеалах, в некоторых стихотворениях декларативно говорится о важности служения им. Но в мире, где все «полно вопросом: для чего?», рождаются другие мысли и образы. Поэзия Д.С. Мережковского интеллектуальна, в ней на первый план выдвигаются мысли лирического героя, а не его чувства: они его жгут, волнуют, их источником являются книги. Лирический герой Д.С. Мережковского, как и Н.М. Минского, принадлежит к поколению одиноких разобщенных людей. У них уже нет общественных, а только личные, индивидуальные трагедии. Раздражающим для героя

Д.С. Мережковского является солнечный свет, придающий резкие очертания окружающему миру, а суть жизни этого поколения выражает туманная осень. Мир реальный, осязаемый – «ничтожен», тогда как привлекателен мир неведомый, недосыгаемый. Его очертания еще не совсем ясны, они обманчивы, лирический герой принимает за огонь «счастья» «болотный огонек», земля под его ногами «колыхается», его душа в «тине».

Важнейшей особенностью ранней поэзии является превращение тем и поэтических образов предшествующей поэзии в своего рода обобщенные формулы. Такая обобщенность была присуща и поэзии 1870-х – 1880-х гг., однако для творчества поэтов-народников характерно введение конкретики революционной борьбы: изображение быта бедных, заключенных, ссыльных. В поэзии Д.С. Мережковского нет никакой конкретики: его стихотворения декларативны, а выраженные в них чувства абстрактны. «Вторичность» его гражданской поэзии связана с тем, что поэт отражает не современную ему действительность, а то, как она отражена в лирике его современников и предшественников. В сборнике проявилось также отталкивание молодого поэта от народнической эстетики, скрытая полемика с ней. Этот процесс был общим для поэзии Д.С. Мережковского и Н.М. Минского. Речь идет об отказе от образа жертвы, заменяемого индивидуальным бунтом лирического героя. Меняется и сам лирический герой поэта, становящийся усталым и сомневающимся, потерявшим веру и силу. В отличие от поэзии С.Я. Надсона, имеющую некое психологическое единство и проецируемой на личную судьбу поэта, стихотворения Д.С. Мережковского в рамках одного отдела и даже всей книги противоречат друг другу, декларируют порой противоположные чувства и желания. Эта поэзия интеллектуальна, отражает не переживания души, а волнующие поэта идеи.

Литература

1. Андреевский С. Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии) / С. Андреевский. Литературные очерки [3-е изд. Литературных чтений]. – СПб.: б.и., 1902. – С. 247 – 469.
2. Лебедев Ю.В. Поэзия революционного народничества / Ю.В. Лебедев // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.) и др. – Л.: Наука (Ленингр. отделение), 1980 – 1983.
3. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы / Д.С. Мережковский. [Вст. ст., сост., подг. текста и прим. К.А. Кумпан]. – СПб.: Академический проект, 2000. – 928 с. (Серия «Новая Библиотека поэта»).
4. Минский Н.М. Стихотворения / Н.М. Минский. – СПб.: тип. М.И. Богельмана, [190?]. – 211 с.
5. Минц З.Г. Статья Н Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма / З.Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 150 – 161.
6. Пайман А. История русского символизма / А. Пайман. – М.: Республика, 2002. – 415 с.
7. Стихотворения С.Я. Надсона с портретом, факсимиле и биографическим очерком. Изд. 24. – СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1909. – 369 с.

Анотація

У статті аналізується, як у першій поетичній книзі Д.С. Мережковського ішов процес вироблення власної образності та стилю шляхом перетворення тем та поетичних образів попередньої поезії у своєрідні узагальнені формули. У поезії Д.С. Мережковського немає жодної конкретики революційної боротьби, його вірші декларативні, а почуття, що виражені у них, абстрактні. Вторинність його громадянської лірики пов'язана із тим, що поет відображає не сучасні дійсність, а те, як вона втілена у поезії його сучасників та попередників.

Ключові слова: народницька поезія, традиція, громадянська лірика, поетична вторинність.

Аннотация

В статье предпринимается попытка показать, как в первом стихотворном сборнике Д.С. Мережковского шел процесс выработки собственной образности и стиля путем превращения тем и поэтических образов предшествующей поэзии в своего рода обобщенные формулы. В поэзии Д.С.Мережковского нет никакой конкретики революционной борьбы, его стихотворения декларативны, а выраженные в них чувства абстрактны. Вторичность его гражданской поэзии связана с тем, что поэт отражает не современную ему действительность, а то, как она отражена в лирике его современников и предшественников.

Ключевые слова: народническая поэзия, традиция, гражданская лирика, поэтическая вторичность.

Summary

In the article an attempt is made to show the process of elaboration of his own figurative and style by means of transformation of themes and poetic images of previous poetry in a sort of generalized formulas in the first collection of poetry of D.S. Merezhkovskiy. There is no specifics of revolutionary struggle in Merezhkovskiy's poetry, his poems are declarative and expressed senses are abstract in them. Unoriginality of his civil poetry is connected with the fact that the poet doesn't reflect present-day reality but how it is reflected in lyric poetry of his contemporaries and precursors.

Key words: populist poetry, tradition, civic poetry, poetic secondary.